

Гао Линь перевёл дух и подробно изложил, о чём спрашивал А-Нин, добавив:

— Я отговорился, что нужно хорошенько подумать, и А-Нин ушёл. Потом он снова примкнул ко второму господину Лю, и они о чём-то долго шептались — наверняка всё ещё обсуждали вас, Ваше Высочество.

Лян Шу сохранял невозмутимость:

— Зачем ему это?

Гао Линь, хоть и был закоренелым холостяком, кое-что в этих делах понимал:

— Естественно, из участия. Логично же: если человек не заботится и не питает чувств, станет ли он интересоваться чужими пристрастиями?

На душе у Лян Шу потеплело.

— Так как же мне ответить? — не унимался Гао Линь. — Не могу же я прямо сказать второму господину Лю, что вашему высочеству больше всего нравится ходить в пустыню бить волков. Звучит как-то уж слишком бесцельно. Гляжу я на тех свах в Городе Полумесяца, как они женихов заваливающих расхваливают — так и норовят кривую корягу лаком покрыть да до небес вознести.

Но стихи, песни, музыка и живопись — всего этого не выдумаешь на пустом месте. Чуть промахнёшься — позор неминуем.

Гао Линь, раньше не задумывавшийся об этом, теперь, составляя мысленный список, с ужасом осознал, насколько его князь далёк от изящных искусств.

Он предложил:

— У меня тут сюнь есть. Может, ваше высочество попробуете научиться? Хоть какой-то инструмент освоите. Да и в долгие северо-западные ночи одиноко исполнять мелодию тоски по дому — звучит довольно-таки проникновенно, с оттенком героической грусти.

Лян Шу отозвался:

— То есть, по-твоему, в такое время я могу позволить себе каждый день на час удаляться за восемнадцать ли в безлюдные места и самоучкой осваивать сюнь?

Гао Линь: «...»

— Тогда придумаем что-нибудь ещё, — поспешно сказал он.

Что-нибудь такое, чему не надо учиться. Не кровожадное. Не позорное. Не разоблачающее.

И, наконец, кое-что нашлось.

А-Нин примчался к своему господину:

— Только что приходил заместитель генерала Гао, — отдышался он. — Сказал, что на северо-западе его высочеству больше всего нравилось уходить в глубь пустыни и смотреть на звёздное небо.

Вот это «увлечение» Гао Линь выдумал, почти вывернув мозг наизнанку. Во-первых, просто — любой может поднять голову к небу. Во-вторых, оно столь же возвышенно и одиноко, как игра на сюне. Да и разве можно просто смотреть на звёзды, ни о чём не думая? Непременно задумаешься о чём-нибудь высоком — вот и благородство проявится. Что и говорить, выходил почти что романтический поэт, а не любитель пострелять волков из пустынной банды.

Лю Сюаньань и вправду проникся, вспомнив описанный поэтами северо-запад — безбрежный, где звёзды сливаются с морем.

Пустыни здесь не было, но небо над головой было столь же прекрасным. И он разыскал Лян Шу, чтобы пригласить первым:

— Если ваше высочество снова будет мучить бессонница, приходите — вместе звёзды посмотрим.

Лян Шу с достоинством ответил:

— Хорошо.

И в ту же ночь бессонница его и посетила.

Лю Сюаньаня, хоть и вызволили из-под одеяла, это не разозлило — он мог спать и днём, и ночью. Его лишь озадачило: успокоительное ещё несколько дней назад действовало отлично, почему же вдруг перестало?

Лян Шу усадил его на спину Тёмного цзяо, и они вдвоём отправились в поле.

Смотреть на звёзды.

В эту ночь звёзд было немного, зато луна висела в небе огромная и ослепительно яркая, заливая окрестности серебристым светом, — тоже довольно романтично.

Тёмный цзяо неспешно щипал поблёкшую траву поодаль, а Лю Сюаньань отыскал плоский камень и уселся рядом с Лян Шу. Он был способен молча созерцать луну хоть до утра, погружённый в размышления, но его высочество князь Сяо — нет. Его потаённые весенние чувства и так уже тлели, как беспокойное пламя, а теперь, подёрнутые дымкой ночи и лунного света, разгорелись и распухли до небес. Не то что мыслить — усидеть на месте было трудно.

И в этот самый зыбкий момент Лю Сюаньань вдруг сам потянулся к его руке. Сердце Лян Шу замерло; прохладная, нежная текстура из сна наложилась на реальность, и он, почти не раздумывая, перехватил ладонь, заключив тонкие бледные пальцы собеседника в свою длань.

«...» Лю Сюаньань недоумённо посмотрел. — Я хотел нащупать ваш пульс, ваше высочество.

Не успев и на миг проявить нежность, он получил словно обухом по голове. Лян Шу разжал пальцы и с каменным лицом изрёк:

— Не надо.

— А, — просто сказал Лю Сюаньань, не настаивая, и снова принялся созерцать луну, позабыв о нём.

Спустя некоторое время Лян Шу сам протянул ему руку.

Лю Сюаньань, поджав губы, приложил кончики пальцев к запястью, понаблюдал за пульсом и заключил:

— Ничего серьёзного. Просто вы слишком устали, нужно как следует отдохнуть.

Лян Шу спросил:

— Тогда почему разрешаешь мне ночью бродить?

Лю Сюаньань убрал руку в рукав:

— Раз успокоительное не помогает, лучше заняться тем, что приносит радость. Иначе будешь лежать в постели, терзаясь тревогой, — это телу только во вред. Настроение выправится — и сон сам собой наладится.

Лян Шу отвел взгляд к дальним горам:

— А женитьба бессонницу лечит?

Лю Сюаньань ответил твёрдо:

— Нет.

— В книгах вычитал?

— Сам наблюдал.

Хотя бы в Поместье Белого Журавля живой пример был: его дядя с самой женитьбы не вылезал из болезней, с супругой они только и делали, что ссорились, доводя друг друга до красноты в лице и болей с головы до ног. Успокоительного он с тех пор выпил, наверное, несколько бочек. Стало быть, женитьба не только не лечит, но и может усугубить недуг.

Лю Сюаньань добавил:

— Да и чувства всегда заставляют метаться, а не погружают в покой.

Лян Шу ухватил его за загривок:

— Рассуждаешь так уверенно, а сам-то никогда не «чувствовал».

Лю Сюаньаню было приятно от этих похлопываний, даже щекотно:

— В книгах так пишут.

Лян Шу смягчил нажим:

— Ну и что же в них пишут? Рассказывай.

Лю Сюаньань припомнил вечные истории и стихи — почти в каждом тоска, кручина, любовь да ненависть, длящиеся без конца, безмолвные слёзы ручьями... Он даже брови нахмурил, не желая вдаваться в подробности, и отделался общим:

— В общем, всё это очень хлопотно.

Лян Шу спросил:

— Значит, ты и любить никого не собираешься, и жениться — «на ком попало»?

Лю Сюаньань ответил: в общем-то, да.

Лян Шу недовольно щёлкнул его по лбу.

Лю Сюаньань отклонился:

— А ваше высочество?

Лян Шу ответил:

— На ком попало.

— На принцессе из Фэй?

— Не годится.

— На принцессах из других царств?

— Тоже не годится.

Лю Сюаньань подумал: какое же это «на ком попало»? Требования-то у него весьма конкретные.

Лян Шу продолжил массировать ему шею:

— Те бородатые старцы больше не появлялись?

— Нет, в последнее время дел много, не до них. — Лю Сюаньань придвинулся на камне. — Только перед сном иногда о них думаю.

Но поскольку его высочество князь Сяо незыблемо стоял на страже с мечом в руках, три тысячи миров пребывали в покое, и он мог без помех, не спеша, раскладывать мысли по полочкам. Если какая-то задача не поддавалась, он больше не бился над ней как рыба об лёд — Лян Шу всегда возникал вовремя и, хмуря брови, нетерпеливо бросал:

— Не понимаешь — и не думай.

И тогда второй господин Лю и вправду переставал думать, позволяя тому вести себя за рукав — смотреть на деревья, на дворцы, летать на белом журавле, свободно бороздя каждый из миров.

Сегодня ночью лунный свет был особенно прекрасен, и он выбрал несколько таких снов — конечно, только тех, где они были одеты, — чтобы поведать о них настоящему Лян Шу. В тех снах они вместе странствовали, пили вино, а опьянев, дремали, прислонившись друг к другу под персиковым деревом, — разгульно и романтично одновременно.

Лян Шу кивнул:

— Хорошо. Когда война закончится, я отвезу тебя в странствие, напою вином, уложу спать под цветущей сливой — всё, что видел во сне, воплотим в жизнь.

Что до бородатых старцев, которых непременно придётся отчитывать, так при дворе их и своих хватает — найти нетрудно.

Лю Сюаньань же подумал, что «всё» воплощать всё же не стоит. Помимо персикового дерева и мудрецов, в его снах был ещё и горячий источник под водопадом. Он, конечно, был не против, чтобы его высочество князь Сяо приходил в три тысячи миров отдохнуть и искупаться, но уж слишком детальные сны ему видятся не хотелось. Поэтому каждый раз, просыпаясь, он немного огорчался, не понимая, отчего его фантазии становятся всё смелее и непристойнее. Чтобы решить проблему, второй господин Лю в бодрствующем состоянии усердно старался: напустить над источником густой белый туман, возвести ширмы, выстроить стены до небес. Он даже собственноручно нарисовал множество изображений князя Сяо в банных халатах и перед сном усердно их разглядывал — но всё напрасно. Стоило сну накрыть его с головой, и всё, что должно было быть тщательно и благопристойно обрисовано, таковым и оставалось.

Мучительно.

Лян Шу смотрел, как он, задумавшись, вздыхает, сложив руки, и это напоминало ему того вечно озабоченного кота из императорского сада. Он протянул руку, чтобы погладить.

<http://bllate.org/book/16268/1464375>